Гладкова О.В.

"ЖИТИЕ ЕВСТАФИЯ ПЛАКИДЫ": ВИЗАНТИЙСКИЙ ТЕКСТ И СЛАВЯНО-РУССКИЙ ПЕРЕВОД

Проблема отношения славяно-русского перевода к византийскому (греческому) оригиналу не нова. Ее изучению посвящено немало работ, значительная часть которых принадлежит лингвистам, что не удивительно, поскольку проблема сама по себе требует прежде всего специальной языковой подготовки, а объект исследования открывает необозримые горизонты для лингвистических изысканий. Однако сам характер проблемы рано или поздно заставляет лингвиста войти в область литературоведения и неизбежно размышлять над проблемами поэтики. В качестве примера новейших работ, значительно расширивших представления о переводческой "кухне" славян и Древней Руси, назовем прежде всего труды С.А.Авериной[1], Е.М.Верещагина[2], А.М.Камчатнова[3], А.М.Молдована[4], Л.И.Щеголевой[5].

Если же, что бывает значительно реже, к проблеме обращается литературовед, то, как это не парадоксально, из-под его пера выходит лингвистическое исследование. Так, И.Н.Лебедева в своей фундаментальной монографии о "Повести о Варлааме и Иоасафе"[6] посвятила художественной стороне древнерусского перевода чуть меньше страницы, наряду с этим, в дополнение к монографии, исследовательница посчитала необходимым систематизировать уникальный лексический материал греческого и древнерусского текстов и издать греческо-древнерусский словник[7], что, безусловно, дало новый импульс к изучению как самой "Повести" так и словарного состава древнерусского языка. Работа, проведенная И.Н.Лебедевой, предоставляет огромные возможности для полного изучения перевода "Повести", в том числе и литературоведческого, видимо, это дело будущего.

Образцом глубокого всестороннего филологического подхода стал классический труд Н.А.Мещерского, посвященный древнерусскому переводу "Истории Иудейской войны" Иосифа Флавия[8].

Вероятно, в будущем будет создано обобщающее исследование, посвященное искусству перевода Древней Руси, пока же время обобщений еще не пришло, и современные исследователи заняты, как

правило, изучением проблемы на ограниченном ими самими материале, чаще всего на примере одного памятника. Это не случайно, так как данная проблема требует колоссального кропотливого труда, который неизбежно начинается с рассмотрения отдельных произведений. При этом меньше внимания, повторяем, уделяется литературоведческому, художественному аспекту.

Настоящая статья — попытка внести свой вклад в изучение переводческой деятельности славяно-русских книжников, причем нас будет интересовать именно художественный аспект проблемы, то есть литературная сторона древнего перевода. Предлагаемые наблюдения были сделаны на основе одного, по-своему уникального памятника переводной литературы — "Жития Евстафия Плакиды".

* * *

"Житие Евстафия Плакиды" переводилось неоднократно на славянский язык[9], в настоящей статье нас будет интересовать самый ранний и, следует признать, самый совершенный из переводов, известный уже Нестору. Славяно-русский текст "Жития" мы цитируем по русскому списку конца XV в. (РГБ, собр.Троице-Сергиевой лавры, № 666), сохранившем наиболее древний вариант перевода, в отличие от более ранних рукописей, в числе которых знаменитый Сильвестровский сборник (РГАДА, ф. 381, № 1(53), XIV в.) или сборник из Чудова монастыря (ГИМ, собр.Чудова монастыря, № 20, кон. XIVв.).

Греческий текст цитируется нами по известному изданию Ж.-П.Миня[10], по ранней, "дометафрастовой" редакции. Еще П.В.Безобразов указывал на близость текста, опубликованного Минем, древнерусскому "Житию"[11]. Понятно, что при сравнении греческого и славяно-русского текстов необходимо помнить, что мы имеем дело не с оригиналами X — XI вв. источника и перевода, поэтому в исследовании такого рода всегда будут допущения, избежать которые невозможно. Для большей иллюстративности мы посчитали необходимым при сопоставлении текстов приводить и их переводы на современный русский язык. Перевод-подстрочник с греческого выполнен Е.Орехановой при нашем скромном участии, перевод славянского текста выполнен нами.

Для того чтобы выявить художественные особенности славянорусского перевода, мы посчитали необходимым сравнить два текста на следующих уровнях: **фабульно-событийном, художественно-содержательном, на уровне ритма и рифмы**. После анализа на перечисленных уровнях становится возможным сравнить тексты уже на уровне **идейного содержания**, а затем высказать некоторые замечания по поводу **жанровых особенностей** оригинала и перевода.

Как мы уже неоднократно писали[12], "Житие Евстафия Плакиды" условно можно разделить на 45 эпизодов:

1. Описание добродетелей Плакиды и его жены.
2. Описание его "храбрства".
3. Отступление о Божественном Провидении.
4. Охота и явление оленя.
5. Отступление о Божественном Провидении, о Петре, Корнилии и Павле.
6. Описание оленя.
7. Отступление о Божественном Провидении.
8. Разговор Бога с Плакидой.
9. Разговор Плакиды с женой о Боге.
10. Крещение у иерея Иоанна
11. Утро. Путь Плакиды на гору, где он видел оленя.
12. Второй разговор Плакиды с Богом. Обещание Бога дать миру второго Иова.
13. Несчастья в доме Евстафия.
14. Победа царя Траяна над персами и поиски Плакиды.
15. Бегство семьи Евстафия в Египет.
16. Эпизод с "науклиром" (владельцем корабля). Потеря жены.
17. Плач Плакиды о жене.
18. Переход через реку и похищение детей львом и волком.
19. Спасение детей.
20. Плач Евстафия о детях и о своей доле.
21. Приход Евстафия в селение Вадисон.
22. Служба "сторожем по житу".
23. Сообщение о дальнейшей судьбе жены и детей.
24. Желание царя найти Плакиду в связи с нападением врагов.
25. Поиски Плакиды Антиохом и Акакием — воинами, ранее служившими Плакиде.
26. Плач-молитва Евстафия и Глас с неба.
27. Встреча Евстафия с Антиохом и Акакием.
28. Поиски Евстафием вина и хлеба, плач о прошлом.
29. Узнавание Антиохом и Акакием Плакиды.
30. Стечение народа, рассказ о прошлом Плакиды.
31. Возвращение Плакиды, встреча с царем, рассказ о злоключениях.
32. Сбор "тиронов-новобранцев", рассказ о двух юношах.
33. Военные походы и переходы.
34. Разговор юношей в хижине у "вертограда".
35. Узнавание матерью сыновей.
36. Узнавание женой мужа.
37. Рассказ Феопистии о своих злоключениях.
38. Плач и отступление о Божественном Провидении.
39. Сообщение о сыновьях.
40. Встреча с сыновьями.
41. Сообщение о победе Евстафия и возвращении его.

42. Смерть царя Траяна, царь-язычник "лютейший" Андриян.
43. Требование "пожреть кумирам" и мучения.
44. Посмертные чудеса и возведение храма.
45. Хвала Богу.

Все обозначенные эпизоды есть как в греческом, так и в славяно-русском текстах, единственное отличие древнерусского перевода состоит в том, что в нем не приводятся небольшое вступление к "Житию" и еще более лаконичное заключение. Греческие вступление и заключение ничего не вносят с событийной точки зрения, являясь достаточно традиционными по содержанию (восхваление святых, самоуничижение автора и т.д.). Как показывает практика, вступление и заключение, а также посмертные чудеса, — самые подвижные части агиографического произведения, так что в греческом тексте в пору перевода, или в конкретном оригинале той поры, вполне могло не быть ни вступления, ни заключения. Так что на фабульно-событийном уровне между греческим и славяно-русским текстами наблюдается полное совпадение.

Обратимся теперь к художественно-содержательному уровню.

1. "Житие" начинается с похвалы достоинствам Плакиды и его семьи (эпиз.1), причем переводчик увеличивает похвалу за счет включения перифраза из Псалтири (Пс. 145.7–9):

Греческий текст	Древнерусский перевод
Ἕλλην δὲ ὑπῆρχε τὴν θρησκείαν· τοῖς δὲ ἔργοις τῆς δικαιοσύνης παντοίως ἐκεκόσμητο.	ел^инъ же бѣ вѣрою. а дѣлы праведныим оукрашаашеся. алчющаꙗ напитаꙗ, жажь^ющаꙗ напаꙗ, нагыꙗ ѡдѣваꙗ. впадающимъ в бѣдоу помогаа. ис темниць изимаꙗ. и всѣмъ людемъ ѿнюдъ помагаꙗ.
Эллин же был по религии; делами же справедливости всячески был украшен.	*Однако по вере был язычником.* Несмотря на это он украшался праведными делами: питал алчущих, поил жаждущих, одевал нагих, помогал впадавшим в беду, освобождал из темниц, и вообще помогал всем людям.

На *первый* взгляд, переводчик поступил достаточно смело — ведь перечень достоинств в 145 Псалме относится к Господу Богу, а в "Житии" — к язычнику Плакиде. Однако эта причина не остановила, к примеру, митрополита Илариона, когда он, также перифразируя Псалтирь, писал о князе Владимире[13]. Впоследствии цитата из 145 Псалма, видимо, стала одной из этикетных агиографических формул, именно в таком качестве использует ее Ермолай-Еразм в "Повести от жития Петра и Февронии"[14]. Заманчиво предполо-

жить, что включение перифраза — своего рода знак, указывающий на князя Владимира, ведь именно с Евстафием Плакидой сравнивали Владимира древнерусские авторы[15].

Если же не искать в "Житии" гипотетических скрытых параллелей, то можно сказать, что введение перифраза наделяет язычника Плакиду еще бо́льшим количеством христианских добродетелей, то есть "утяжеляет", делает более веской причину, по которой Плакида оказывается избранным Христом.

2. "Горняя" завязка "Жития" (желание Бога спасти Плакиду, эпиз.3) в переводе несколько сокращена:

Ἀλλ' ὁ φιλάνθρωπος καὶ ἀγαθὸς Θεός, ὁ πάντοτε τοὺς ἀξίους ἑαυτοῦ δούλους προσκαλούμενος, οὐ παρεῖδεν αὐτοῦ τὰ; εὐποιίας· οὐδὲ ἠθέλησε τὴν ἀγαθὴν καὶ ἀξίαν τοῦ θεοῦ γνώμην ἄμισθον καταλειφθῆναι, τῷ σκότει τῆς εἰδωλομανίας καλυπτομένην· ἀλλα κατὰ τὸ γεγραμμένον· *Ἐν παντὶ ἔθνει ὁ φοβούμενος τὸν Θεὸν, καὶ ἐργαςόμενος δικαιοσύνην, δεκτὸς αὐτῷ ἐστιν,* ἔφθασε καὶ εἰς αὐτὸν τοῖς χρηστοῖς αὐτοῦ σπλάγχνοις τοῦ σώζειν βουλόμενος.

чл҃колюбець же бг҃ъ при звавыи всегда вездѣ соущаа достоиныхъ его. не прѣзрѣ его въ тмѣ идольскых (sic!) жертвъ соуща. но ѩко же писано есть. ѩко всѧкъ чл҃вкъ боѩисѧ бг҃а. въ всѧкомъ ѩзыцѣ приѩтъ имъ есть. въсхотѣ сего сп҃сти сицѣмъ ѡбразомъ.

Но человеколюбивый и добрый Бог, всегда достойных себя рабов призывающий, не пренебрег его добрыми делами; и не захотел, чтобы хорошее и достойное понимания Бога осталось без вознаграждения, скрываемое тьмой идолопоклонства, но, согласно написанному: "Во всяком народе боящийся Бога и творящий справедливость приятный ему есть". Он поспешил к нему, по своему доброму милосердию спасти желающий.

Человеколюбец же Бог, призывающий всегда и везде достойных Его, не оставил его во тьме идолопоклонства, но (как писано: "Всякий человек, боящийся Бога, во всяком народе прият[16] Им") захотел спасти его следующим образом.

Некоторая многословность и оттого расплывчатость греческого текста заменена лаконичным и выразительным мотивом: Бог не оставляет достойных, любит и спасает их.

Вольно или невольно, но в греческом тексте более резким выглядит мотив рабства Богу и вознаграждения за рабство. В славяно-русском тексте остается только мотив боязни Бога, а также закла-

дывается основа для дальнейшего развития сакральной темы (приятия/неприятия Бога и Богом) и соответствующего ей словесного ряда (“**прıатъ**”).

3. Из эпиз.4:

Παντὸς δὲ τοῦ στρατοπέδου περὶ τὴν θήραν ἀσχολουμένου, φαίνεται αὐτῷ εἷς τῶν ἐλάφων ὑπερμεγέθης πάσης τῆς ἀγέλης ὁρμήσας κατὰ τοῦ κρημνοῦ ἐν δασυτέροις τόποις τῆς ὕλης καὶ δυσβάτοις χωρίος· ὃν θεασάμενος ὁ Πλακίδας, και ἐπιθυμή σας συλλαβέθαι αὐτὸν, καλιπὼν πάντας, μετ᾽ ὀλίγων στρατιωτῶν κατεδίωκεν.
᾽Ατονησάντων δὲ πάντων, μόνος παρεμεινε τῇ διώξει. κατὰ πρόνοιαν δὲ θεοῦ, μήτε τοῦ ἵππου ἀτονήσαντος, μήτε δὲ αὐτοῦ πρὸς τὴν σύλληψιν ἀπορήσαντος, ἐπὶ πολὺ καταδιώκων, μακρὰν εὑρέθη τοῦ στρατοπέδου. Ὁ δὲ ἔλαφος ἐκεῖνος καταλαβὼν ἀκρώ'ρειαν πέτρας ὑψηλῆς, ἔστηἐπάνω αὐτῆς.

и видѣ елень боли въ всемъ стадѣ и краснѣи. Ѿлоучи же сѧ еленъ тъ Ѿ стада Ѿлоучи же сѧ и Плакыда с маломъ чадїю, и начатъ с ними гонити по немъ. гонѧщим же имъ изнемогоша вси. Плакыда же единъ начатъ гонити по немъ. Ѿлоучи же сѧ далече Ѿ дроужины. долго же гонѧщоу емоу. елень тъ взыде на камень высокъ и ста на немъ.

Пока же все войско занимается охотой, является ему один из оленей, очень большой из стада, устремившийся с обрыва в более лесистые места. Плакида, увидев его и захотев сам поймать его, оставив всех, с немногими воинами преследовал. Когда же все устали, один продолжил преследование. По замыслу Бога, ибо ни конь его не устал, ни сам он не испытал нужды в помощи, преследуя на далеком расстоянии, оказался далеко от войска. А тот олень, достигнув вершины высокой скалы, встал на ней.

И увидел оленя, самого большого и красивого во всем стаде. Отлучился олень тот от стада, отлучился и Плакида с немногими своими людьми и начал преследовать его. За время преследования все сильно устали, и Плакида один начал преследовать его. Отлучился он далеко от своей дружины и долго его преследовал. Олень тот взошел на высокий камень и стал на нем.

Славяно-русский текст производит впечатление более “структурированного”, то есть более художественно организованного. Налицо параллель, оформленная в переводе повтором глагола “отлучиться” (одной из многочисленных сакральных словесных “цепочек” “Жития”[17]): олень и стадо = Плакида и его воины; олень, **отличающийся** от своих сородичей тем, что он самый большой и красивый, = Плакида, **в отличие** ото всех, не уставший и единственный,

кто продолжил преследование. Подчиняясь сакрально-символической логике "Жития" (более четкой в переводе), параллель получает завершение в дальнейшем повествовании: олень = Христос, Плакида = новый Павел, так же, как и апостол, первоначально гонящий Христа.

4. Из эпиз. 8:

Ὦ Πλακίδα, τί με διώκεις; ...
Ἐγώ εἰμι Ἰησοῦς Χριστὸς, ...
Οὐ γάρ ἐστι δίκαιον τὸν ἐμοὶ προσφιλῆ, διὰ τῶν ἔργων τῶν ἀγαθῶν, δουλεύειν δαίμοσιν ἀκαθάρτοις.

ѡ плакыдо что мѧ гониши. (...) азъ есмь іс҃ хс҃. (...) нѣсть бо праведно моемоу прııателю. вѧзѣти в сѣти непрıазненѣ.

"О Плакида, что меня преследуешь? ... Я Иисус Христос ... Ибо несправедливо, чтобы любезный мне [человек] из-за добрых дел служил демонам нечистым ..."

"О Плакида! что Меня гонишь? ... Я Иисус Христос ... Ведь неправильно моему приятелю вязнуть в сетях неприязненных"

Переводчик удивительно точен в передаче явных и скрытых цитат из Священного Писания, нет ни одного случая, чтобы переводчик не распознал их. Так произошло и здесь: во-первых, обращение Христа к Плакиде — это точное повторение обращения Христа к апостолу Павлу (Деян. IX, 4—5), во-вторых, выбор переводчиком слова "прııателю" развивает уже называвшийся нами мотив приятия/неприятия Бога и Богом, начатый предыдущей Евангельской цитатой (см. пример 2). В этом контексте появившийся эвфемизм "непрıазненѣ" тоже включается в обозначенную цепочку, ибо дьявол — это тот, кто Бога не принял. Так в славяно-русском переводе образуется противостояние принимающих Бога и Богом ("прııатъ", "прııателю") не принимающему Бога и Богом ("непрıазненѣ" — "неприязненный", то есть дьявол). Помимо этого с появлением в переводе образа "сети" текст пронизывается новой цепочкой — мотивом сети, плена, символизирующим язычество.

5. В рассказе жены о Христе (эпиз. 9) в греческом и славяно-русском текстах наблюдается некоторое расхождение:

Ἐν τῇ παρελθούσῃ νυκτὶ κἀγὼ ἐθεασάμην αὐτὸν λέγοντά μοι· Αὔριον σὺ, καὶ ὁ ἀνήρ σου, καὶ τὰ τέκνα ὑμῶν, ἐλεύσεσθε πρός με, καὶ γνώσεσθε, ὅτι ἐγώ εἰμι Ἰησοῦς Χριστός. Ἐβουλήθην οὖν ἐν τοιούῳ σχήματι, καὶ τῷ παραδόξῳ θεάματι,

и азъ в мимошеⷣшоую нощъ видѣхъ и въ снѣ глщ҃а. оутре ты и моужъ твои и ѡбѣ чадѣ твои. прıидѣте ко мнѣ. и разоумѣете ıако азъ есмь іс҃ хс҃.

διὰ τοῦ ἐλάφωου σοι ὀφθῆναι, ἵνα θαυμάσασα τὴν δύναμίν μου, πιστεύσῃς εἰς ἐμὲ.

"В прошедшую ночь и я видела Его, говорящего мне:"Завтра ты, и муж твой, и дети ваши придете ко мне и узнаете, что я есть Иисус Христос. Я же захотел в таком именно образе и необычном виде через оленя быть увиденным тобой, чтобы, удивившись силе моей, поверила в меня".

"И я в минувшую ночь видела сказавшего мне во сне: "Утром ты и муж твой, и оба чада твоих придете ко мне и поймете, что Я Иисус Христос."

Можно допустить, что греческий оригинал, который был перед глазами славяно-русского книжника, не имел фразы о явившемся Феопистии олене. А можно допустить другое. Фраза об олене придает словам Феопистии оттенок смутности, неполноты, поскольку об олене говорится вскользь, хотя, прочитав только что о явлении оленя Плакиде, читатель убежден, что это явление очень значительно во всех отношениях. Поэтому, чтобы избежать недосказанности, надо было либо пояснить фразу Феопистии, либо убрать ее, что, возможно, и сделал переводчик.

6. Можно только гадать, откуда переводчик почерпнул сведения о том, что до крещения Феопистию звали Татьяной (эпиз.10). В ранних греческих текстах (минейном "Житии" и проложном) об этом никаких сведений нет; имя "Татьяна" встретилось нам в более поздней, так называемой "метафрастовой" редакции греческого "Жития"[18]. В последующей древнерусской рукописной традиции, благодаря специфическому построению фразы об именах Феопистии, подобной знаменитому "казнить нельзя помиловать", и ошибкам писцов в формах имен жены Плакиды, постоянно происходила путаница: в Четьях Минеях, Прологах, Святцах жена Плакиды называется то Татьяной, то Феопистией:

ἐβάπτισεν αὐτοὺς (...) τὸν μὲν Πλακίδαν, μετονομάσας Εὐστάθιον· τὴν δὲ γυναῖκα αὐτοῦ, Θεοπίστην·

<Иерей Иоанн> ...крестил их ... Плакиду переименовав в Евстафия, а жену его — в Феопистию...

кр҃стї же ꙗ (...) плакыдоу же нарече еоустафїа. а женоу его татїаноу нарече. феѡпистоу.

<Иерей Иоанн> ...окрестил их ...Плакиду нарек Евстафием, а жену его Татьяну нарек Феопистией.

7. Следующий пример — один из характерных случаев, когда многословие и некоторая размытость греческого текста логически организуются славяно-русским переводчиком за счет небольшого сокращения текста и более ясной расстановки акцентов. В славяно-

русском переводе, повторяем, это происходит достаточно часто. При этом поражает, с какой виртуозностью переводчик выстраивает здесь богословскую основу монолога Христа (монолог, как это можно сразу заметить, переполнен цитатами и аллюзиями из Писания), как сплетает рассказ о непосредственных событиях, последующих в жизни Евстафия, с их символическим, вневременным смыслом:

Μακάριος εἶ, ὦ Εὐστάθιε, ὅτι ἐδέξω τὸ λουτρὸν τῆς χάριτός μου, ἐπαμφιασάμενός μου τὴν ἀθανασίαν. Νῦν οὖν ἐνίκησας τὸν πονηρόν. Νῦν ἐπάτησας τὸν ἀπατήσαντά σε. Νῦν ἀπεδύσω τὸν φθαρτὸν ἄνθρωπον, καὶ ἐνεδύσω τὸν ἄφθαρτον, τὸν διαμένοντα εἰς αἰῶνα αἰῶνος. Νῦν τῆς πίστεως δειχθήσεται τὸ ἔργον, ἐπειδήπερ φθόνῳ κεκίνηται κατὰ σοῦ ὁ διάβολος, διότι ἐγκατέλιπες αὐτὸν, καὶ σπουδάςει πᾶσαν ἐπίνοιαν κατὰ σοῦ κινῆσαι. Δεῖ δέ τινα πειρασμὸν ὑπ·ομεῖναι, ὃν ἐὰν ὑπενέγκης, κομίσῃ τὸν στέφανον τῆς νίκης. Ἰδοὺ γὰρ ὑψώθης ἕως τοῦ νῦν ἐν ταῖς πραγματείαις τοῦ βίου τούτου καὶ τοῦ πλούτου τούτου προσκαίρου· δεῖ οὖν ταπεινωθῆναί σε ἀπὸ τοῦ ὕφους τοῦ ματαίου τούτου, καὶ αὖθις πάλιν ὑψωθῆναί σε ἐν τῷ πνευματικῷ πλούτῳ. Μὴ οὖν δειλανδρήσῃς, μηδὲ ἀπιστήσῃς πρὸς τὴν ὑπάρξασάν σοι χοσμικὴν δόξαν· ἀλλ᾽ ὥσπερ πολεμῶν ἀνθρώποις αριστεύων ἐφαίνου, τῷ βασιλεῖ ἀρέσαι τῷ επιγείῳ σπουδάςων· ούτως καὶ κατὰ τοῦ διαβόλου ἀνδραγαθῆναι σπούδασον, ἐμοὶ τῷ ἀθανάτῳ βασιλεῖ τὴν πίστιν φυλάσσων, καὶ ἐν τοῖς καιροῖς τούτοις ἄλλον Ἰὼβ ἀναδειχθῆναι ἐν τοῖς πειρασμοῖς, καὶ νικητὴν τοῦ διαβόλου. Ὅρα οὖν μήπως ἐν τῇ καρδίᾳ σου λογισμός τις δυσφημίας ἀναβῇ. Ὅταν γαρ ταπεινωθῇς, ἐλεύσομαι πρὸς σὲ, καὶ πάλιν ἀποκαταστήσω σε ἐν τῇ προτερᾳ σου δόξῃ.

блж҃енъ еси еоустафіе. прінмъ баню бл҃годѣти моеꙗ. нн҃ѣ съвлъклъсѧ еси ис тлѣннаго чл҃ка. и ѡболкъсѧ еси в неистлѣннаго чл҃вка. нн҃ѣ
иматъ ꙗвитисѧ дѣло твоеꙗ вѣры. понеже
ѡставилъ еси дїꙗвола. ищеть на тѧ напа сти етеры. сию же аще претерпиши. прімеши венець побѣды. се бо възнесъсѧ богать
ствомъ житіꙗ. и смиритисѧ имаши. изнестисѧ, богатьствіемъ дх҃овнымъ, и не мози въспатитис҃. помннаа на древнюю
славоу свою. и ꙗко же оугодилъ еси земномꙋ
цр҃ю. тако же по҄щисѧ побѣдити дїѧвола. и хранити мою вѣроу. дроугии бо невъ ꙗвити
сѧ имаши в напастѣхъ. блюди оубо да не взыдеть на ср҄це твое хоула. ег҄а бо смиришисѧ придоу к тебѣ. и оустрою тѧ въ славѣ твеи первѣи.

"Блаженный ты, Евстафий, ибо ты получил омовение благодати Моей, одев на себя мое бессмертие. Теперь же ты победил грех. Теперь ты потоптал обманувшее тебя. Теперь ты снял с себя [облик] обреченного на гибель человека и одел на себя [облик] бессмертного, пребывающего вовеки. Теперь будет показано дело веры, так как завистью двинулся на тебя дьявол, потому что ты покинул его, и старается весь замысел двинуть на тебя. Надо, чтобы ты выдержал некое испытание, каковое если вынесешь, приобретешь венец победы. И вот, ты вознесешься до нынешнего [времени] в делах этой жизни и этого непродолжительного богатства; надо, чтобы ты был уменьшен от высоты этой пустоты, а затем снова возвышен в духовном богатстве. Не соверши же вечером и не не будь верным имеющейся у тебя земной славе; но как воюя с людьми, ты являлся лучшим, стараясь угодить земному царю, так же и постарайся стать мужественным в отношении диавола, мне, Бессмертному Царю, веру сохраняя, и [постарайся], чтобы в эти времена другой Иов был явлен в испытаниях и победитель диавола. Посмотри же, чтобы в сердце твое не вошло слово порицания. Когда же ты будешь смирен, Я приду к тебе и снова воздвигну тебя в прежней твоей славе".	"Блажен, Евстафий! Ты принял баню благодати Моей: ныне ты совлек с себя тленного человека и облачился в нетленного человека, ныне является дело твоей веры, поскольку оставил дьявола (а он ищет для тебя какие-то напасти). Если это вытерпишь, примешь венец победы. Потому что ты вознесся богатством в земной жизни, но будешь унижен, и вознесешься богатством духовным и не сможешь вернуться, вспоминая свое славное прошлое. И как угодил земному царю, так постарайся победить дьявола и хранить Мою веру. Потому что другой Иов явится в напастях. Следи, чтобы не вошла в сердце твое хула. А когда будешь унижен, приду к тебе и верну тебя к прежней славе".

8. Когда через много лет воины наконец находят Плакиду (эпиз.30), то они рассказывают собравшейся толпе о его прошлом, причем определение того, ч т о они рассказывают, в оригинале и переводе выглядит по-разному:

τὰ περὶ τῆς τοῦ ἀνδρὸς ἀρετῆς, καὶ τῆς προτέρας δόξης.	дѣанїє и житїє и храборьство. и гордыню єго.
о доблести этого мужа и прежней славе	деяние и жизнь, и храбрость и гордыню его

Слово "гордыню" некоторые древнерусские списки опускают или искажают. Несмотря на это, нам все же кажется, что "гордыню" со-

ответствует греческой "прежней славе" и изначально присутствовала в переводе. Словом "гордыню", выглядящим отрицательно-оценочным, в отличие от греческой "прежней славы", переводчик определил языческое прошлое Плакиды. Введение определения "гордынѭ" опять же, как и многое из того, что делает переводчик, связывает, "структурирует" текст, так как заставляет вспомнить предсказание Христа Плакиде о возвышении и унижении (см. предыдущий наш пример). Если слова "дѣанїє и житїє" добавлены (что скорее всего), то слова воинов, содержащие оценку того обилия событий, что произошли ранее с Плакидой, можно рассматривать как своеобразное "жанровое определение" "Жития". Конечно, славяно-русского книжника не могли волновать современные нам споры о природе средневековых жанров, тем не менее ощущение формы и представление о назначении и месте формы в богослужении, повседневной практике чтения христианина трудно отрицать. Возможно, из этого-то "ощущения формы" (кажется, уже не надо доказывать, что переводчик "Жития" был человеком художественно одаренным) и родилось более распространенное по сравнению с греческим текстом "жанровое определение".

9. При любом переводе теряются и возникают оттенки смысла, порой трудно установить грань между сознательной установкой переводчика на редактирование переводимого текста и спонтанно возникшими нюансами смысла. Приведем один из очень немногочисленных тому примеров из "Жития" (эпиз. 31):

Παρεκάλεσε δὲ αὐτον ὁ βασιλεὺς, καὶ ζώννυται κατὰ τὸ πρότερον στρατιλάτης.	оумоли же и цр҃ь да сѧ препоꙗшетъ мечемъ. и препоꙗса сѧ ꙗко же и первїє стратилаⷮ сын.
Позвал его царь, и снаряжается на прежнее стратилат.	Царь упросил его препоясаться мечом, и препоясался он, и стал, как прежде, стратилатом.

За счет введения этикетной формулы "препоꙗшетъ мечемъ" весь процесс возвращения Плакиды в "прежнюю славу" приобрел некоторую торжественность, а замена глагола "позвать" на "упросить" ("оумоли") подчеркнула особую значительность Плакиды в глазах царя, а следовательно, и у читателя.

10. В славяно-русском тексте встречаются непереведенные грецизмы: "наоуклиръ" (хозяин корабля), "тиронъ" (в значении "воин-новобранец"), выражение "оучини на ноумеры", которое скорее всего можно перевести как "разбил на отряды" или "распределил по отрядам"[19] (эпиз.32). Почему переводчик оставил их, неужели не знал? Как известно, в древнерусских и славянских переводах оставались непереведенные грецизмы, которые, кстати сказать, служат хорошими ориентирами для текстологов[20]. А может, наоборот, слиш-

ком хорошо знал? На такую мысль наводят в "Житии Евстафия Плакиды" два факта: во-первых, слово "тиронъ" не могло быть неизвестным, поскольку переводчику, как человеку образованному, должен был известен популярный святой Федор Тирон (новобранец). Во-вторых, в соответствующих эпизодах рядом с грецизмами, в соседних фразах, употребляются их славяно-русские эквиваленты: "наоуклиръ" — "гн҃ъ кораблѧ" (эпиз.16), "тиронъı" — "воины" (эпиз.32), "оучини на ноумеры" — "рацинивъ воѧ" (эпиз.32). *Это всего лишь одно из наших предположений*, которое, тем не менее, кажется нам очень вероятным, и употребление грецизмов в "Житии Евстафия" сродни французским вкраплениям в произведениях русских писателей XIX века.

11. В переводе встречаются мелкие несоответствия на фактическом уровне, их крайне мало, и невозможно сказать, что это — следы не дошедшего до нас греческого оригинала или результат творчества переводчика. Например, причины, по которым Евстафий приблизил к себе двух юношей, оказавшихся после его сыновьями, в оригинале и переводе называются разные (эпиз. 32):

Καὶ κατανοῶν ἐν ἑαυτῷ τὸ εὐγενὲς τοῦ τρόπου...	зрѧ же єю такою красноу.
И замечая про себя благородство манеры...	Видя, что они так красивы

* * *

Троицкая рукопись, как и подавляющее число рукописей с "Житием" "первого" перевода, особенно той разновидности, которая ближе всех греческому оригиналу[21], имеет акцентные знаки, из которых наиболее сильным и наглядным является точка. Точка ограничивает ритмовую фразу, которая далеко не всегда совпадает с границей предложения, границу которого часто вовсе невозможно установить. Ритмовая фраза в "Житии Евстафия" организуется ударением (значение приобретает порядок, повторяемость расположения ударений, их количество в одной фразе; повторяемость расположения ударения на конце ритмовой фразы заставляет говорить о своеобразной тональной рифмовке), синтаксическими средствами и звукописью. И хотя сейчас нельзя с полной уверенностью установить, как звучал славяно-русский текст, приведем попытку сопоставления греческого и славяно-русского текстов на уровне ритмики и рифмы (цифры в схеме показывают количество слогов в ритмовой фразе):

Ἐν ταῖς ἡμέραις Τραϊανοῦ τοῦ βασιλέως,
τῆς εἰδωλομανίας κρατούσης,
ἦν τις στρατηλάτης,
ὄνομα τούτῳ Πλακίδας·
γένους τοῦ κατα κόσμον ἐπιδόξου,
πλούσιος σφόδρα,
ὑπερβάλλων πάντας τοὺς ἐν δόξους,
ἔν τε κτήμασι καὶ ἀργυρίῳ καὶ ἀνδραπόδοις,
καὶ τῇ λοιπῇ περιουσίᾳ.

14 ∪∪̂∪ ∪̂∪∪∪∪∪̂∪̂∪∪∪̂∪,
10 ∪̂∪∪∪∪∪̂∪∪∪̂∪,
6 ∪̂∪∪∪∪̂∪,
8 ∪̂∪∪∪̂∪∪∪̂∪·
11 ∪̂∪∪̂∪∪̀∪̂∪∪∪∪̂∪,
5 ∪̂∪∪∪̂∪,
10 ∪∪∪̂∪∪̂∪∪̀∪∪̂∪,
15 ∪̂∪∪̂∪∪∪̀∪∪∪̂∪∪̀∪∪∪̂∪,
9 ∪̀∪̂∪∪̂∪∪∪∪̀∪.

Въ дни цр҃твїа траиана, идольстѣи жертвѣ ѡдержащи. бѣ етеръ стратилатъ,
именемъ плакида.
добра рода славна.
богатъ же ѕѣло паче всѣхъ. златомъ и прочею слоужбою.

8(9)(∪)∪̂∪̂∪∪∪∪∪̂∪
10 ∪̂∪∪∪∪̂∪∪∪∪̂∪
6 ∪̂∪̂∪∪∪∪̂,
6 ∪̂∪∪∪∪̂∪.
6 ∪̂∪∪̂∪∪̂∪.
8 ∪∪̂∪∪∪̂∪̂∪∪̂
9 ∪̂∪∪∪̂∪∪∪̂∪

Анализ ритмической структуры "Жития" — отдельная тема, однако уже из приведенной схемы становится ясным следующее:
1) славяно-русский текст стремится к повторению ритмового членения оригинала и его тональной рифмовки;
2) славяно-русский текст в значительно большей степени, чем греческий, использует равносложие (повтор ритмовых фраз с одинаковым количеством слогов). В греческом равносложия практически нет или его очень мало.

* * *

Выводы:

— славяно-русский текст "Жития Евстафия Плакиды" — это виртуозный и в высшей степени художественный перевод, отразивший не только высокий интеллектуальный уровень автора, но и его литературный дар.

— В переводе "Жития" не наблюдается стремления усилить прямую назидательность текста, как это отмечалось по отношению к другим переводам[22], перевод отличает скорее стремление к большей художественно-смысловой организованности и сакрализации текста (за счет его большей "связанности", "структурирования", например, при помощи введения новых "цепочек" слов, имеющих как прямое событийное значение, так и сакрально-символическое, при помощи усиления ритмизующих средств).

— Особенности славяно-русского перевода есть следствие мировосприятия, характерного, в частности, для Древней Руси первых веков христианства, когда весь мир воспринимался как система осо-

бых "знаков и знамений"[23], когда граница между "горним" и "дольним" не была еще такой отчетливой, так же, как и граница между словом и сакральным смыслом события, "называемым" и "называющим"[24].

— Повествование о Евстафии Плакиде и в Византии, и на Руси (и в славянском мире) сохранило в себе сюжетные признаки античного романа, наполнив старую форму новым содержанием. При этом "Житие Евстафия Плакиды" и в Византии, и на Руси воспринималось как житие. В средневековой агиографии встречаются случаи использования жанром жития иных повествовательных форм: сказки, легенды ("Житие Георгия Победоносца" или "Житие Петра и Февронии"), мифа ("Повесть о Варлааме и Иоасафе", правда, далеко не все исследователи разделяют точку зрения о том, что в основе Повести биография Будды).

По своим литературным достоинствам, а также по своему особому мироощущению, для которого характерно гармонически-поэтическое отношение к миру, вера в любовь и справедливость Бога и Его мира, перевод "Жития Евстафия Плакиды" можно поставить рядом с такими произведениями, как перевод "Истории Иудейской войны" Иосифа Флавия, как "Слово о Законе и Благодати" митрополита Илариона[25]. Все это есть продолжение традиции, заложенной еще славянскими первоучителями Кириллом и Мефодием.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Аверина С.А. Лингвистическое исследование древнеславянского перевода "Жития Епифания Кипрского" по русской рукописи XIII века. Дисс. канд. фил. наук. Л., 1975.

[2] Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.

[3] Камчатнов А.М. Лингвистическая герменевтика (на материале древнерусских рукописных источников). М., 1996. С. 65–152.

[4] Молдован А.М. Из синтаксиса древнерусского перевода Жития Андрея Юродивого // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А.Зализняка. М., 1996. С. 256–275.

[5] Щеголева Л.И. Славянский перевод и византийский литературный текст // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб.1. С. 76–91.

[6] Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. // Подготовка текста, исследование и комментарий И.Н.Лебедевой. Л., 1985.

[7] Словоуказатель к тексту "Повести о Варлааме и Иоасафе", памятника древнерусской переводной литературы XI–XII вв. / Составитель И.Н.Лебедева. Л., 1988.

[8] Мещерский Н.А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958, см. также: Мещерский Н.А. Избранные статьи. СПб., 1995. С. 252–271.

[9] Вопрос о месте перевода "Жития" еще не решен, хотя многие исследователи считают перевод древнерусским. До выяснения этого вопроса мы называем перевод славяно-русским. О разных переводах "Жития" см., например: Гладкова О.В. История текста романа о Евстафии Плакиде: (Установление типов текста) // Литература Древней Руси: Межвуз. сб. научн. трудов памяти Н.И.Прокофьева. М., 1996. С. 29–43.

[10] Patrologiae cursus completus. Ed. J.-P.Migne. Series graeca. Paris, 1863. Col.376–417.

[11] Безобразов П.В. Рассказы о мучениках. Юрьев, 1917. Т. 1. Ч. 1. С. 117.

[12] Гладкова О.В. История текста... С. 30–31.

[13] Иларион. Слово о Законе и Благодати. / Сост., вступ.ст., пер. В.Я.Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л.П.Жуковской. Коммент.В.Я.Дерягина, А.К.Светозарского. М., 1994. С. 99.

[14] Повесть о Петре и Февронии / Подг. текстов и исследование Р.П.Дмитриевой. Л., 1979. С. 220.

[15] См.: "Чтение о Борисе и Глебе" // Д.Ревелли Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova, 1993. С. 614 , "Сказание о Мамаевом побоище"// Памятники литературы Древней Руси. XIV–XV век. М., 1981. С. 144.

[16] Трудно подобрать вполне адекватный перевод слову, в котором древнерусский переводчик соединил мотивы "приятия" и "приятности".

[17] О словесных "цепочках" как одном из способов выражения сакрального смысла описываемых событий, выражающих вневременную сущность происходящего в Житии см.: Гладкова О.В Отношение к слову и событию в X — XIV вв. (на примере двух древнерусских переводов "Жития Евстафия Плакиды") // Макариевские чтения. Вехи русской истории в памятниках культуры. Можайск, 1998. С. 584–594. Она же. Византийская агиография в древнерусской литературе X–XVII вв. (на примере Жития Евстафия Плакиды) // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII международный съезд славистов (Краков, 1998). Доклады российской делегации. М., 1998. С. 46–55.

[18] Мученичество святого Евстафия и кровных его / / Византийские легенды. Изд. подготовила С.В.Полякова. М., 1994. С. 210.

[19] Ср.: "Нѹмеръ — (νούμερος) = отряд солдат, рота" (Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993 (репринт). С. 358.

[20] См., например: И.Н.Лебедева(1985), с. 89.

[21] Гладкова О.В. Житие Евстафия Плакиды — памятник переводной литературы Древней Руси Киевского периода (Текстология, жанровое своеобразие). Автореферат дисс. канд. фил. наук. М., 1992. С. 3–4.

[22] Щеголева Л.И. Приметы самовыражения переводчика в тексте славянорусского перевода "Хроники" Георгия Амартола // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1995. Сб.8. С. 218 и др.

[23] Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 122.

[24] Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Praha, 1976. С. 32 и др.

[25] С которым у "Жития" много общего, но эта тема еще ждет своего освещения.